

ПУБЛИКАЦИИ

НЕИЗДАННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ М.П. ПОГОДИНА ПО ПОВОДУ ЕГО ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТЕ «ПАРУС»

В РНБ хранится рукопись объяснения М.П. Погодина по поводу статьи «Прошедший год в русской истории», опубликованной им в признанной неблагонадежной газете «Парус»¹ (Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 28. Список. 1859, 9 февраля. Л. 1–6 об.). Данная рукопись представляет интерес для изучения наследия историка и писателя, журналиста и издателя, и входит в подготавливаемый 6-й том Полного собрания историко-филологических работ М.П. Погодина. Рукопись публикуется впервые.

Объяснения министру народного просвещения Евграфу Петровичу [Ковалевскому] от 9 (18) февраля 1859 г. по поводу статьи М.П. Погодина «Прошедший год в русской истории», опубликованной во втором номере за 1859 г. газеты «Парус», признанной неблагонадежной и запрещенной Главным управлением цензуры.

¹ Парус. 1859. № 2. 10 янв. Интересно, что эта статья вошла в книгу избранных произведений М.П. Погодина (Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 52–69), но под иным заголовком: «Прошедший год (1858) в политике русской и европейской». В книге указано, что статья публикуется по первоисточнику. На самом же деле она перепечатывается по изданию: Сочинения М.П. Погодина. Том 5. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1876. 277 с.

М. г. Евграф Петрович.

Получив известие о признании моей статьи под заглавием «Прошедший год в русской истории», напечатанной во 2-м № газеты «Парус», неблагонамеренною, в числе статей, кои побудили Главное Управление Цензуры прекратить издание означенной газеты, считаю необходимым представить Вашему Высокопр<евосходительст>ву следующие объяснения.

В отношении вашем на имя г. Управляющего Моск.<овским> Учеб.<ным> округом от 31 января за № 259 статья моя подвергнута двум обвинениям: 1) за едкое унижение нашей иностранной политики, и 2) за непозволительное вмешательство частного лица в виды и соображения Правительства.

Против 1-го обвинения имею честь объяснить, что статья моя несколько не заключает никакого унижения нашей политики, но напротив воздает ей полную и совершенную хвалу, согласно, впрочем, с прежними моими о ней отзывами. Осмеливаюсь привести в доказательство неопровержимое следующие слова, коими (оканчивается) заключается первая часть моей статьи.

«Что делает Россия на поприще европейском политики. Она безмолвствует, и как будто нигде нет ее представителей: на европейском толкучем рынке не раздается только русского голоса. — Это по моему смиренному мнению, прекрасно. Для чего нам вступаться в копеечные дрязги? Что нам спорить о грошовых интересах; к чему домогаться алтынных выгод? В какое сравнение идут нынешние европейские вопросы с нашими домашними вопросами? Лучше без шума думать свою крепкую думу; лучше вовсе предоставить европейские дела естественному их течению, выжидать покойно, где что случится, и приготовляться к будущим действиям, когда они понадобятся на пользу себе и другим, во имя прогресса, во благо Европе и человечеству».

Спрашиваю всякого беспристрастного читателя: можно ли выразить одобрение яснее и полнее? Согласно с этими словами и в самом приступе статьи сказано: русская внешняя политика везде молчит или махает рукою. Она поступает, разумеется, прекрасно.

Спрашиваю, может ли оставаться сомнение после таких категорических (объяснений) положений в мнении моем о действиях внешней политики, известных по газетам. Но есть ее действия, по газетам не известные. Я не отвергаю их, и готов назвать еще пре-

краснейшими, когда они поступят во всеобщее сведение. Угодно ли Вашему Высокопр<евосходительст>ву, чтобы я сказал даже тайную свою мысль, при рассуждениях о действиях англичан в Турции, австрийцев в Черногории (1)? Вот она: черт всех возьми, думал я про себя, судите, рядите, как хотите, мы молчим, но будет и на нашей улице праздник. –

Как профессор, преподававший 25 лет политическую историю и знакомый *ex officio*² со всеми событиями, со всеми министрами и их тайнами, даже до настоящих минут, я считаю себя вправе иметь свое мнение о политике, как предмете науки, и объявлять его во всеуслышание, не приклоняясь пред авторитетом никакого Гизо, никакого Митерниха, никакого Нессельроде (2).

Надеясь, что дальнейшего толкования о 1-й половине моей статьи, после открытия даже задушевной и тайной мысли, более не нужно, перехожу ко второму обвинению: о неупотребительном вмешательстве частного лица в виды и соображения правительства.

Тема, предметы 2-й половины моей статьи заключают мысль, что Россия должна заботиться больше всего об оборонительных средствах в настоящую минуту, когда все европейские государства, даже дружные между собою, принимают подобные меры в огромном масштабе.

Я счел невозможным высказать эту мысль прямо, по взыскательному иногда образу действий цензуры, и потому завернул ее в вопрос, что делают Тотлебен, Путятин, Хрулев, кн. Меншиков, Горчаков и проч.

Такое вмешательство можно показать на всех страницах нашей печати, и не найдется ни одного порядочного русского человека, который бы не восклицал, не говорил, не желал, не молился, чтоб наши воины были победоносны, чиновники справедливы, священники благочестивы, писатели благоразумны, чтобы наши крепости были недоступны, суды неподкупны, училища просветительны и проч. и проч. Во всех наших газетах, журналах и книгах встречаются ежедневно эти мысли, в бесчисленных формах, и они не только не показывают неупотребительного вмешательства частных лиц в виды и распоряжения правительства, но служат доказательством возникшего благотворительного сердечного участия

² По должности (*лат.*).

граждан в общественных делах, которому нельзя не радоваться. Приводимые к присяге пред крестом и Евангелием, мы клянемся делать и говорить все, что считаем для отечества полезным. Неужели эти слова должно считать только словами и не думать о приложении их к жизни?

Не далее, как вчера было перепечатано у нас везде письмо г. Непира к первенствующему в Англии министру графу Дерби (4), в котором г. Непир настоятельно требует собрания резервов, умножения кораблей, распространения укреплений, одним словом, принятия самых деятельных военных мер. Что же? Англичанин может преувеличивая опасности, призывать правительство к оружию, и мы отдаем полную справедливость его заботливости, хотя из Порсмута, Плимута, Дувра не унесено никем ни одного камушка, и Англия с Франциею обнимается беспрестанно дружески, – а русский не смеет заикнуться о развалинах Севастополя (5)?

Сам покойный Император Николай в письме своем к Наполеону упомянул, как должно было забиться русское сердце у всех его подданных при появлении иностранного флота в Черном море. Неужели это сердце успокоилось в продолжении одиннадцатимесячной осады Севастополя? Нет, оно билось со всяким днем сильнее и сильнее, больше и больше. Когда английским и французским народом подняты были на воздух труды 4-х царствований, облитые благородной кровию Корниловых, Нахимовых, Истоминых (6) и их незабвенных сподвижников – оно замерло: но оно не может еще по временам не испускать тяжкого вздоха, хотя бы этот тяжкий вздох и показался докучным дюжинам петербургским охотникам до итальянских опер. Горе, если такой вздох, т.е. легкое напоминание о наших потерях называется вмешательством частного лица в виды и распоряжения правительства. В Молдавии, Валахии, Сербии, Турции так уже не думают.

Россия есть общее наше отечество. Она принадлежит всем нам одинаково. Ее болезни, как и здравие, ощущает всякое частное лицо в равной степени. И благо той стране, где все граждане, Государь и народ чувствуют как один человек. Такая страна и сильнее, и счастливее, и достойнее своего счастья. –

Неужели монополия мысли, слова, чувства, любви к отечеству должна принадлежать только известному персоналу, у кото-

рого может ведь иногда встретиться даже очевидный недостаток в мысли, чувстве и любви. –

В необходимости укреплений, а равно как и в некоторых других необходимостях, я убежден как русский, как гражданин, как историк, как внимательный наблюдатель текущих событий. –

Многим моим убеждениям посчастливилось, или лучше сказать, не посчастливилось оправдаться несколько раз на самом деле: что утвердило меня еще более в их истине, и я считаю гражданским долгом заявить их при всяком удобном случае. – Если б Главное управление цензуры почему бы то ни было, совету или доносу, заимствовав орудие из подвалов испанской инквизиции, определило вырвать у меня язык, так я выучился бы пантомиме, и пантомиму мою настоящие русские поняли бы лучше всякого учебного и красноречивого рассуждения.

Спросят, почему я, именно я, принимаю так к сердцу то и другое событие? Потому что я 40 лет занимаюсь русской историей, потому что я ежедневно питаюсь ею, как насущным хлебом, потому что она сделалась моею плотью, моею кровью. –

В продолжении последней войны (7) написал я 20 записок, кои передавались покойному государю его сыном, нынешним государем. Во всех этих записках, из коих иные разошлись в тысячах экземпляров по всей России, я говорил одно и то же, что сказано в полужутливой статье моей.

Покойный Государь (8), получив еще прежде верное свидетельство моей прямоты и преданности, отдавал справедливость моему образу действий и выражал мне свою признательность. –

А теперь меня называет неблагонамеренным Главное управление цензуры? –

Нет Ваше Высокопр<евосходительст>во, в благонамеренности я не уступлю никому на свете. 20 лет я издавал журнал, 25 лет я преподавал историю, я издал книг больше, чем пришлось иному прочесть их; тысячи моих учеников рассыпаны по всем городам русским. Извольте расспросить кого угодно, поручите пересмотреть мои лекции, перечитать мои сочинения, и Вы не найдете ни одного слова, за которое я должен был бы отвечать совести, и вместе которое бы находилось в противоречии с последней моей статьей.

Приближаясь к концу своего поприща на 60 году, я не позволю никому относиться легко о моей гражданской чести, которую я берег как зеницу ока, вместе с знаком почти 40-летней беспорочной службы, не думая, не заботясь ни об каких наградах, остававшихся всегда в долгу у Правительства. Я требую суда, – я прошу Ваше Высокопр<евосходительст>во сообщить это письмо Главн<ому> Управлению ценз<уры>, дабы оно, рассмотрев и уважив вышеприведенные мои доказательства, отменило свое первое решение, позволило мне перепечатать статью в настоящем ее виде и исходатайствовать у Государя Императора законное для меня удовлетворение в нанесенном мне оскорблении.

Государь, обремененный тысячью дел, одно другого важнее, среди бесперывных забот о трудностях настоящих мудреных обстоятельств мог не прочесть моей статьи, или не вникнуть в истинный смысл ее, мог положиться на какие-нибудь недостаточные выписки, злонамеренные указания или кривые толкования, кои по несчастию слышатся нередко: я прошу Ваше В<ысоко>Пр<евосходительство> представить Ему дело в настоящем свете, по предложенным моим объяснениям. Письмо мое из частной жалобы может т. обр. сделаться страницей истории. Как министр нар. Просвещения Вы лучше всех должны разуместь дух нашего времени, и тот переворот, который произошел в наших понятиях о цене людей и происшествий. Как Мин<истр> Нар<одного> Пр<освещения> Вы должны знать, какую силу и значение со всяким днем приобретает слово в самой России, не только в Европе, с которою она соединяется не одними жизненными дорогами и электрическими телеграммами, но телом и душою. Можно ли ныне писателей *traiter en canaille*³? В длинной аудиенции Вы объясните Государю, как важен настоящий частный случай, почему им должно дорожить и воспользоваться; сколько любви и доверенности прибавится к Нему гуманным решением от всех истинных друзей отечества, передовых людей, а не тех черствых, заматерелых в летах, зрелых царедворцев, которые сбивают Его с царского пути и ведут слепцы. Куда? Я уверен, что Он, благодушный, внемлет голосу истины, велит удовлетворить меня блистательным образом, поколику я имею заслуги и право, и ясно покажет ту го-

³ Рассматривать как негодяев (*фр.*).

товность на всякое добро, которое приобрело Ему сердца при вступлении Его на престол. —

Если же Государь, паче чаяния, не отдаст мне должной справедливости, — я пожалуюсь на Него Ему самому и покажу пример, что в наше время и в неограниченном монархическом правлении, голос оскорбленного чувства, голос оскорбленного нравственного достоинства может раздаться, дойти до престола и приобрести общее сочувствие, несмотря ни на какие стеснительные меры посредствующих властей. Имя Александра II потому-то и озаряется уже лучами бессмертия в истории, что с ним соединяется умственное и нравственное возрождение 60-миллионного, даровитейшего народа в Европе, который чрез 1000 лет, достигнув при Нем совершеннолетия, разверзает наконец уста, столь долго семью печатями запечатанные. Я имею счастье принадлежать к этому народу и жить в это время.

Предъявив мои права я должен принести покаяние Вашему В. Пр. и в своих винах. Мои вины, неизживаемые, впрочем, по слабости человеческой, могут относиться к незнанию светских приличий, к жесткости и грубости речи, которая доходит иногда, говорят, до дерзости. Во всех моих записках писанных одним тоном и даже в последней полусутоливой статье, я коснулся сам этих недостатков, и просил извинения.

Человек кабинетный, занимающийся более с книгами, чем с людьми, точно я выражаюсь иногда слишком резко и особенно, когда говорит моя кровь и дело касается истории. Скажу более я могу ошибаться и могу увлекаться любимыми своими мыслями: судите меня по закону, осужденный по закону я приму с совершенной покорностию всякое наказание, снесу его терпеливо, но не называй никто моей статьи неблагонамеренною. Ни одной страницы не пускал я без своего имени, и ни одной строки не напечатал нигде тайно. Вот осязательное доказательство, что я хотел служить своему отечеству по крайнему своему разумению, открыто, чисто и честно, если и грубо, или и дерзко.

Примите уверение в совершенном почтении
Михаил Погодин
Москва
9/18 февраля 1859 г.

Комментарии

1. Речь идет о затронутых Погодиным в статье вопросах о действиях англичан в Турции и австрийцев в Черногории, о которых он пишет весьма резко: «Описать ли мне посещение лорда Редклифа? А зачем пожаловало его высокородие, незванное-непрощенное, на берега Босфора? Раскланяться с любезным султаном. Какая рыцарская вежливость! <...> Подать благие отеческие советы своему царственному, хоть чалмоносному, воспитаннику? Не поздоровится от них ни Турции, ни Европе, ни России. Что же значит соблазнительная распря лорда Редклифа с сэром Генрихом Бульвером, столько занимавшая европейских журналистов? <...> Россия не должна иметь влияния в Константинополе – это опасно для Европы. Англия – о, это другое дело, и лорд Редклиф может сменять и определять министров, вязать и решать правоверных, устраивать займы, прокладывать дороги, хозяйничать – напрапалую (кстати подвернулось словечко). <...> Англичане бомбардируют Джедду, не ожидая султанского решения, которое, впрочем, удовлетворяет все их требования. <...> Неужодно ли вам прочесть из новых газет следующую страничку:

«Спокойствие в Боснии восстановлено, но какую ценой? Ценой разорения и опустошения! Мятаж подавлен. Вооруженные турки одержали верх над бедными поселянами, которые могли противопоставить им только мужество отчаяния. Христиане дорого заставили их заплатить за победу. Но наконец они должны были бежать на австрийскую землю. <...>»

Что? Каково? Благоденствуют? Благоденствуют и Бога молят за своих покровителей: чтоб ни дна вам, ни крыши! От турок бегут несчастные к австрийцам! Понимаете ли вы всю трагедию этого движения, настоящего *salto mortale*? Из огня да в полымя! Нет – похуже! Вот так благоденствуют христиане под покровительством пяти держав – и даже не семи!» (см.: Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 54–55).

2. Погодин имеет в виду, что ни авторитет французского историка Гизо, ни даже канцлеров Меттерниха и Нессельроде не может повлиять на его собственную оценку происходящих событий. Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) – французский

государственный деятель, историк. Митерних или Меттерних Клеменс Венцель Непомук Лотар (1773–1859) – австрийский государственный и политический деятель. Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт фон Нессельроде-Эресгофен) (1780–1862) – граф, российский государственный деятель, дипломат, государственный канцлер иностранных дел (1845), почетный член Петербургской АН (1833/34).

3. Погодин в статье упоминает эти имена в связи с тем, что среди различных исторических материалов отсутствуют материалы об их занятиях, что обедняет русскую историографию: «Чем заняты те пять-шесть человек, которых открыла нам прошедшая война в полном блеске, которые получили одобрительные патенты даже от европейской публики и печати, имеющей для нас значение и вес *par excellence* <преимущественно (фр.)>, которых способности, следовательно, несомненны? Всякое дело мастера боится, говорит пословица, а пять-шесть человек, каждый по своей части, могут сделать многое. Таких людей деятельность – это общая польза, общий рост, общий прогресс.

Кто же эти пять-шесть человек, которым посчастливилось (редкое у нас счастье) выйти из ряда вон?

Назову вам троих: Тотлебена, Путятину, Хрулева. Четвертый, Иннокентий, увы! скончался в поре самого могучего мужества и покинул свой плуг на несчастной, осиротелой ниве.

Пятого, шестого не назову: пусть охотники до славы воображают себя на открытых вакансиях и в благодарность сделаются мне друзьями в оплот многочисленным моим врагам, раздраженным на меня за мою простую, прямую и слишком искреннюю, может быть, сознаюсь, и грубую речь, которой ценить у нас с непривычки не умеют! Но возвратимся к оглавлению потребных материалов.

Каково здоровье Тотлебена? Чем он занимается? Какие пункты Черного, Азовского, Каспийского, Балтийского, Белого, Аральского, Восточного морей он считает удобными для укрепления и какие средства для того нужными? <...>

Путятину предлежит поприще не хуже. Это отставной воспитанник Лазарева, товарищ Нахимова и Корнилова. Кому думать лучше о восстановлении разбитого русского флота? <...>

Сочиняют ли князь Меншиков, князь Горчаков, Муравьев описания действий войск, под их начальством состоявших? Объясняют ли они причины своих успехов и неудач? Какие результаты для будущего времени извлекли они из своих тяжелых опытов? Есть русская пословица: всякое слово сказанное – серебро, а всякое умолчанное – золото. В настоящем случае она должна перевернуться наоборот: всякое слово, ими сказанное, – золото, всякое умолчанное – неоплатный долг пред Отечеством, пред наукою, пред совестью». (Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух... С. 66–68).

Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884) – граф (1879), российский государственный и военный деятель, военный инженер, инженер-генерал (1869), генерал-адъютант (1855). Талант Тотлебена как военного инженера раскрылся в Крымскую войну 1853–1856 гг. при руководстве инженерными работами в Севастополе, сыгравшими важную роль в организации Севастопольской обороны 1854–1855 гг.

Пулятин Евфимий (Ефим) Васильевич (1804–1883) – граф (1855), российский государственный деятель, мореплаватель, дипломат, почетный член Петербургской АН (1856/57), адмирал (1858).

Хрулев Степан Александрович (1807–1870) – русский генерал-лейтенант, участник Среднеазиатских походов, герой Крымской войны. С декабря 1854 г. Хрулёв состоял при главнокомандующем морскими и сухопутными силами в Крыму генерал-адъютанте князе А.С. Меншикове. 5 (17) февраля 1855 г. неудачно штурмовал занятую турками Евпаторию, затем активно участвовал в обороне Севастополя.

Князь *Меншиков* Александр Сергеевич (1787–1869) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1817), адмирал (1833). Начальник Главного морского штаба (1829–1855), морской министр Российской империи (1836–1855), Финляндский генерал-губернатор (1831–1854). Почетный член Петербургской Академии наук (1831) и Российской Академии (1835).

Горчаков Михаил Дмитриевич (1793–1861) – русский военачальник, генерал от артиллерии (1844), генерал-адъютант, командующий войсками в Крыму на исходе Крымской войны.

4. Граф *Дерби* (англ. Earl of Derby) – старинный графский титул в системе дворянских титулов Англии. Лорд Дерби (1799–1869), британский государственный деятель, премьер-министр, лидер партии тори в 1846–1868 гг. Был назван Эдуардом Джорджем Джеффри Смитом Стэнли. Имел титул лорда Стэнли до 1851 г., когда получил титул 14-го графа Дерби.

Непир Чарльз Джон Нейпир (1786–1860) – адмирал английского и португальского флота.

Письмо, упоминаемое Погодиным, не обнаружено. Как пишет историк Е.В. Тарле, «Чарльз Непир давно уже жаловался и на малые силы, данные ему адмиралтейством для серьезнейших операций, и на почти полное отсутствие дельных мичманов и хороших матросов и опытных офицеров. Поэтому он постоянно и с некоторым как бы злорадным удовольствием пишет о неприступности Кронштадта» (Тарле Е. Крымская война // <http://www.adjutant.ru/crimea/tarle2-02.htm?ysclid=lb8d015t1k492264058>)

5. Причина, по которой нельзя было говорить о развалинах Севастополя – та, что его пришлось сдать в 1855 г., заключив Парижский мир. Потеря символа русского присутствия и главного военного порта на Черном море стала большим ударом для многих в России как в армии, так и в тылу, и способствовала скорейшему окончанию войны.

6. Труды 4-х царствований – это труды по освоению Крыма, которые были начаты в 1783 г. Екатериной II, продолжены Павлом I, Александром I, Николаем I.

Корнилов Владимир Алексеевич (1806–1854) – вице-адмирал российского флота, герой и начальник обороны Севастополя в Крымской войне. Боевое крещение принял на корабле «Азов» в Наваринском сражении (1827). В Крымскую войну – один из руководителей Севастопольской обороны. 5 октября 1854 г. был смертельно ранен на Малаховом кургане при бомбардировке Севастополя.

Нахимов Павел Степанович (1802–1855) – русский флотоводец, адмирал (1855).

Истомин Владимир Иванович (1809–1855) – контр-адмирал (1853), герой Севастопольской обороны 1854–1855 гг., участвовал в Наваринском сражении 1827 г. и блокаде Дарданелл (1828–1829). В 1836 г. переведен с Балтийского на Черноморский флот. С 1850 г.

командовал линейным кораблем «Париж», на котором участвовал в Синопском сражении 1853 г. Во время обороны Севастополя возглавлял оборону Малахова кургана и прилегающих редутов, показав пример храбрости и выдержки.

7. Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг. Письма Погодина собраны были им в книгу «Историко-политические письма и записки в продолжение крымской войны. 1853–1856». М.: Издательство: Тип. В.М. Фриш, 1874. 390 с.

8. Император Николай I (1796–1855).

*Подготовка текста, вступит. заметка
и комментарии И.В. Логвиновой*